

Пеппи Длинныйчулок собирается в путь

Автор:

Астрид Линдгрен

Пеппи Длинныйчулок собирается в путь

Астрид Линдгрен

Пеппи Длинныйчулок #2

Пеппи отправляется в страну Веселию, в которой ее отец, капитан Эфроим Длинныйчулок, могущественный король. Теперь она наверняка станет негритянской принцессой. Каждое утро ей будут мазать лицо ваксой, чтобы она стала такой же черной и блестящей, как все негритята. Если хотите узнать, как Пеппи проводит время, поезжайте вместе с ней. И не забудьте: корабль «Попрыгунья» отправляется немедленно!

Астрид Линдгрен

Пеппи собирается в путь

ASTRID LINDGREN

Pippi L?ngstrump g?r ombord

1946

First published in 1946 by Raben & Sj?gren, Sweden.

For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com
(<http://www.astridlindgren.com/>).

All foreign rights are handled by The Astrid Lindgren Company, Lidingö, Sweden.

For more information, please contact info@astridlindgren.se
(<mailto:info@astridlindgren.se>)

© Text: Astrid Lindgren, 1946 / The Astrid Lindgren Company

© Лунгина Л.З., наследники, перевод на русский язык, 2019

© Джаникян А.О., иллюстрации, 2019

© Оформление, издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Как Пеппи отправляется за покупками

Однажды в весёлый весенний день солнце сияло, птички пели, но лужи ещё не высохли, Томми и Анника прибежали к Пеппи. Томми захватил с собой несколько кусков сахара для лошади, и они постояли с Анникой минутку на террасе, чтобы похлопать лошадь по бокам и скормить ей сахар. Потом они вошли к Пеппи в комнату. Пеппи ещё лежала в постели и спала, как всегда положив ноги на подушку, а голову накрыв одеялом. Анника потянула её за палец и сказала:

– Вставай!

Господин Нильсон уже давно проснулся и, устроившись на абажуре, раскачивался из стороны в сторону. Прошло некоторое время, прежде чем одеяло зашевелилось и из-под него вылезла рыжая всклокоченная голова. Пеппи открыла свои ясные глаза и широко улыбнулась:

– Ах, это вы щиплете мои ноги, а мне снилось, что это мой папа, негритянский король, проверял, не набила ли я себе мозолей.

Пеппи села на край кровати и стала натягивать чулки – один, как мы знаем, был у неё коричневый, другой – чёрный.

– Но какие могут быть мозоли, когда носишь такую прекрасную обувь, – сказала она и засунула ноги в свои огромные чёрные туфли, которые были ровно в два раза больше её ступней.

– Пеппи, что мы сегодня будем делать? – спросил Томми. – У нас с Анникой сегодня нет занятий в школе.

– Что ж, надо хорошенько подумать, прежде чем принять такое ответственное решение, – заявила Пеппи. – Плясать вокруг рождественской ёлки мы не сможем, потому что мы это уже делали ровно три месяца назад. Кататься по

льду нам тоже не удастся, потому что лёд уже давно растаял. Весело было бы, наверное, искать золотые слитки, но где их искать? Чаще всего это делают на Аляске, но там столько золотоискателей, что нам не протолкнуться. Нет, придётся что-нибудь другое придумать.

- Да, конечно, но только что-нибудь интересное, - сказала Анника.

Пеппи заплела волосы в две тугие косички - они смешно торчали в разные стороны - и задумалась.

- Я решила, - сказала она наконец. - Мы сейчас отправимся в город, обойдём все магазины: надо же когда-нибудь заняться покупками.

- Но у нас нет денег, - заметил Томми.

- У меня их куры не клюют, - сказала Пеппи и в подтверждение своих слов подошла к чемодану и открыла его, а чемодан, как вы знаете, был битком набит золотыми монетами.

Пеппи взяла полную горсть монет и высыпала её в карман.

- Я готова, вот только найду сейчас свою шляпу.

Но шляпы нигде не оказалось. Прежде всего Пеппи бросилась в чулан для дров, но, к её крайнему удивлению, шляпы там почему-то не было. Потом заглянула в буфет, в тот ящик, куда кладут хлеб, но там лежали только подвязка и сломанный будильник. В конце концов она всё же открыла картонку для шляп, но ничего там не обнаружила, кроме завалявшегося сухаря, сковородки, отвёртки и куска сыра.

- Что за дом! Никакого порядка! Ничего нельзя найти! - ворчала Пеппи. - Но очень удачно, что я обнаружила этот кусок сыра, я давно его ищу.

Пеппи ещё раз обвела глазами комнату и крикнула:

- Эй ты, шляпа, ты что, не хочешь пойти со мной в магазин? Если ты сейчас же не появишься, будет поздно.

Но шляпа не появилась.

– Ну что ж, раз ты такая глупая, пеняй на себя. Но потом, чур, не ныть и не обижаться, что я тебя дома оставила, – сказала Пеппи строгим голосом.

И вскоре на шоссе, которое ведёт в город, выбежали трое ребят – Томми, Анника и Пеппи с Господином Нильсоном на плече. Солнце сияло вовсю, небо было голубое-голубое, и дети весело скакали. Но вдруг они остановились: посреди дороги была огромная лужа.

– Какая отличная лужа! – восхитилась Пеппи и радостно зашлёпала по воде, которая доходила ей до колен. Добравшись до середины, она стала прыгать, и холодные брызги, словно душ, окатили Томми и Аннику. – Я играю в пароход! – крикнула она и закружила по луже, но тут же поскользнулась и плюхнулась в воду. – Вернее, не в пароход, а в подводную лодку, – весело поправила она себя, как только её голова появилась над водой.

– Пеппи, что ты делаешь, – в ужасе воскликнула Анника, – ты же вся мокрая!

– Что же тут плохого? – удивилась Пеппи. – Где это сказано, что дети обязательно должны быть сухими? Я не раз слышала, как взрослые уверяют, будто нет ничего полезнее холодных обтираний. Тем более что детям запрещают лезть в лужи только у нас в стране. Нам лужи почему-то велят обходить! Вот и разберись, что хорошо, а что плохо! А в Америке все дети так и сидят в лужах, там просто нет ни одной свободной лужи: в каждой полным-полно детворы. И так круглый год! Конечно, зимой они замерзают, и тогда детские головки торчат изо льда. А мамы американских ребятишек приносят им туда фруктовый суп и тефтельки, потому что они ведь не могут прибежать домой пообедать. Но уж поверьте, нет здоровее детей на свете – они такие закалённые!

В этот ясный весенний день городок выглядел очень привлекательно – булыжные мостовые на узких кривых улочках сверкали на солнце, а в маленьких палисадничках, которые окружали почти все дома, уже цвели и крокус и подснежник. В городке было много лавок и магазинов, их двери то и дело открывались и закрывались, и каждый раз весело позвякивал колокольчик. Торговля шла бойко: у прилавков толпились женщины с корзинами в руках, они покупали кофе, сахар, мыло и масло. Забегали сюда и дети, чтобы купить себе

пряник или пакет жевательной резинки. Но у большинства ребят не было денег, они толпились у заманчивых витрин и только пожирали глазами все прекрасные вещи, которые были там выставлены.

Около полудня, когда солнце светило особенно ярко, Томми, Анника и Пеппи вышли на Большую улицу. С Пеппи всё ещё стекала вода, и всюду, где она ступала, оставался мокрый след.

– Ой, какие мы счастливые! – воскликнула Анника. – Прямо глаза разбегаются, какие витрины, а у нас целый карман золотых монет.

Томми тоже очень обрадовался, когда увидел, какие чудесные вещи они смогут купить, и даже подпрыгнул от удовольствия.

– Я не знаю, хватит ли у нас на всё денег, – заявила Пеппи, – потому что прежде всего я хочу купить себе пианино.

– Пианино? – изумился Томми. – Пеппи, зачем тебе пианино? Ты же не умеешь на нём играть!

– Не знаю, я ведь ещё не пробовала, – сказала Пеппи. – У меня не было пианино, поэтому я не могла попробовать. Уверяю тебя. Томми, нужна большая тренировка, чтобы играть на пианино без пианино.

Но витрины, где были бы выставлены пианино, ребятам что-то не попадались, зато они прошли мимо парфюмерного магазина. Там за стеклом стояла огромная банка крема – средство от веснушек, – а на банке пестрели крупные буквы: «ВЫ СТРАДАЕТЕ ОТ ВЕСНУШЕК?»

– Что там написано? – спросила Пеппи.

Она не могла прочесть такую длинную надпись, потому что не хотела ходить в школу.

- Там написано: «Вы страдаете от веснушек?» - прочла вслух Анника.

- Что ж, на вежливый вопрос надо ответить вежливо, - задумчиво сказала Пеппи. - Давайте зайдём сюда.

Она распахнула дверь и вошла в магазин в сопровождении Томми и Анники. За прилавком стояла пожилая дама. Пеппи направилась прямо к ней и сказала твёрдо:

- Нет!

- Что тебе надо? - спросила дама.

- Нет! - так же твёрдо повторила Пеппи.

- Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

- Нет, я не страдаю от веснушек, - объяснила Пеппи.

На этот раз дама поняла, но она взглянула на Пеппи и тут же воскликнула:

- Милая девочка, но ты же вся в веснушках!

- Ну да, вот именно, - подтвердила Пеппи. - Но я не страдаю от веснушек. Наоборот, они мне очень нравятся. До свидания!

И она направилась к выходу, но в дверях остановилась и, повернувшись к прилавку, добавила:

- Вот если у вас есть крем, от которого веснушки увеличиваются, можете прислать мне домой семь-восемь банок.

Рядом с парфюмерным магазином находился магазин дамского платья.

– Я вижу, поблизости больше нет интересных магазинов, – сказала Пеппи. – Значит, нам придётся зайти сюда и действовать твёрдо.

И ребята приоткрыли дверь.

Первой заглянула Пеппи, за ней в нерешительности топтались Томми и Анника. Но манекен, одетый в голубое шёлковое платье, притягивал их как магнит. Пеппи тут же подбежала к даме-манекену и сердечно пожала этой даме руку.

– Как я рада, как я рада с вами познакомиться! – всё твердила Пеппи. – Мне ясно, что этот роскошный магазин может принадлежать только самой шикарной даме, как вы. Сердечно, сердечно рада с вами познакомиться, – всё не унималась Пеппи и ещё более энергично трясла руку манекена.

Но – о ужас! – нарядная дама не выдержала столь сердечного рукопожатия, – рука её отломилась и выскользнула из шёлкового рукава. Томми едва перевёл дух от ужаса, а Анника чуть не заплакала. В то же мгновение к Пеппи подлетел продавец и стал на неё кричать.

– Успокойся, – тихо, но твёрдо сказала Пеппи, когда ей наконец надоело слушать его ругань. – Я думала, это магазин самообслуживания. Я хочу купить эту руку.

Такой дерзкий ответ ещё больше разозлил продавца, и он заявил, что манекен не продаётся, но даже если бы и продавался, то всё равно купить отдельно руку нельзя и теперь ей придётся заплатить за весь манекен, потому что она его сломала.

– Очень странно! – удивилась Пеппи. – Счастье ещё, что не во всех магазинах так торгуют. Представьте себе, что я пойду в лавку, чтобы купить кусок мяса и сделать к обеду жаркое, а мясник заявит, что продает только целого быка!

И тут Пеппи небрежным жестом вынула из кармана фартука две золотые монеты и положила их на прилавок. Продавец застыл от изумления.

– Твоя кукла стоит дороже? – спросила Пеппи.

– Нет, конечно нет, она стоит гораздо дешевле, – ответил продавец и вежливо поклонился.

– Сдачу оставь себе, купи на неё конфеты своим детям, – сказала Пеппи и направилась к выходу.

Продавец провожал её до самых дверей и всё кланялся, а потом спросил, по какому адресу послать манекен.

– Мне не нужна вся кукла, а только эта рука, и её я унесу с собой, – ответила Пеппи. – Разбери куклу по частям и раздай бедным. Привет!

– Зачем тебе эта рука? – удивился Томми, когда они вышли на улицу.

– Как ты только можешь меня об этом спрашивать! – возмутилась Пеппи. – Разве у людей не бывает вставных зубов, деревянных ног, париков? И даже носы бывают из картона. Почему же я не могу позволить себе роскошь завести искусственную руку? Уверяю тебя, иметь три руки очень удобно. Когда мы с папой ещё плавали по морям, то как-то попали в страну, где у всех людей было по три руки. Здорово, правда?! Представляешь себе, сидишь во время обеда за столом, в одной руке вилка, в другой – нож, а тут как раз захочется поковырять в носу или почесать себе ухо. Нет, ничего не скажешь, не глупо придумано иметь три руки.

Вдруг Пеппи умолкла, а минуту спустя сокрушённо сказала:

– Просто странно – враньё так и кипит во мне, рвётся наружу, и я не в силах его сдержать. Честно говоря, вовсе не у всех людей в той стране три руки. У большинства только две.

Она опять умолкла, будто вспоминая, потом продолжила:

– А уж если говорить всю правду, то у большинства там только одна рука. Нет, не буду больше врать, скажу всё как есть: у большинства людей в той стране вообще нет рук, и, когда им хочется есть, они ложатся на стол и лакают из

тарелок суп, а потом откусывают по кусочку от жаркого. На столе лежит буханка хлеба, и от неё тоже все кусают, кто сколько может. Чесать себя они тоже не могут и вынуждены всякий раз просить своих мам почесать им уши – вот как там обстоит дело, уж если говорить честно.

Пеппи сокрушённо покачала головой.

– Нигде я не видела так мало рук, как в той стране, это уж точно. Какая же я врунья, даже подумать страшно! Всегда я что-нибудь сочиню, чтобы привлечь к себе внимание, чтобы выделиться; вот и придумала всю эту небылицу про народ, у которого больше рук, чем у других, когда на самом деле у него вообще нет рук.

Пеппи и её друзья двинулись дальше по Большой улице; под мышкой у Пеппи торчала рука из папье-маше. Дети остановились у витрины кондитерской. Там уже собралась целая толпа ребят, все только слюнки глотали, с восхищением глядя на сласти, выставленные за стеклом: большие банки с красными, синими и зелёными леденцами, длинные ряды шоколадных тортов, горы жевательной резинки и самое соблазнительное – коробки с засахаренными орехами. Малыши, не в силах оторвать глаз от этого великолепия, время от времени тяжело вздыхали: ведь у них не было ни единого эре.

– Пеппи, давай зайдём сюда, – предложила Анника и нетерпеливо потянула Пеппи за платье.

– Да, мы сюда обязательно зайдём, – заявила Пеппи очень решительно. – Ну, смелей, вперёд, за мной!

И дети переступили порог кондитерской.

– Дайте мне, пожалуйста, сто кило леденцов, – сказала Пеппи и вынула из фартука золотую монету.

Продавщица рот открыла от изумления. Она никогда ещё не видела покупателей, которые брали бы такое количество леденцов.

– Девочка, ты, наверное, хочешь сказать, что тебе надо сто леденцов? – спросила она.

– Я хочу сказать то, что сказала: дайте мне, пожалуйста, сто кило леденцов, – повторила Пеппи и положила на прилавок золотую монету.

И продавщица стала пересыпать леденцы из банок в большие мешки. Томми и Анника стояли рядом и пальцем показывали, из каких банок их сыпать. Оказалось, что не только самые красивые, но и самые вкусные – красные. Если долго сосать такой леденец, то под конец он становится особенно вкусным. Но зелёные, как они убедились, были тоже совсем недурными. А карамельки и тянучки имели свою прелесть.

– Возьмём ещё по три кило карамелек и тянучек, – предложила Анника.

Так они и сделали.

В конце концов в лавке не хватило мешков, чтобы упаковать их покупки. К счастью, в писчебумажном магазине продавались огромные бумажные пакеты.

– Вот достать бы мне тачку, чтобы всё это увезти.

Продавщица сказала, что тачку можно купить напротив в игрушечном магазине.

Тем временем перед кондитерской собралось ещё больше ребят; они видели через стекло, как Пеппи покупает сласти, и чуть не упали в обморок от волнения. Пеппи сбегала в магазин напротив, купила большую игрушечную тачку и погрузила на неё все свои мешки. Выкатив тачку на улицу, она крикнула толпившимся у витрины ребятам:

– Кто из вас не ест конфет, выходите вперёд!

Никто почему-то не вышел.

– Странно! – воскликнула Пеппи. – Ну что ж, пусть теперь выйдут вперёд те, кто ест конфеты.

Все дети, застывшие в немом восхищении у витрины, сделали шаг вперёд. Их оказалось двадцать три.

– Томми, открой, пожалуйста, мешки, – скомандовала Пеппи.

Томми не заставил себя дважды просить. И тут начался такой конфетный пир, которого ещё никогда не было в этом маленьком городке. Дети набивали себе рот леденцами – красными, зелёными, такими кисленькими и освежающими, – и карамельками с малиновой начинкой, и тянучками. По всем улицам, выходящим на Большую, бежали дети, и Пеппи едва успевала раздавать горстями конфеты.

– Нам, пожалуй, придётся пополнить запасы, – сказала она, – а то ничего не останется на завтра.

Пеппи купила ещё двадцать кило конфет, и всё же на завтра почти ничего не осталось.

– А теперь все за мной, у нас есть дела напротив! – скомандовала Пеппи и, перебежав через улицу, смело вошла в игрушечный магазин.

Дети двинулись за ней. В игрушечном магазине оказалось столько интересного, что у всех разбежались глаза: заводные поезда и машины разных моделей, маленькие и большие куклы в чудесных нарядах, игрушечная посуда и пистолеты с пистонами, оловянные солдатики, плюшевые собаки, слоны, книжные закладки и марионетки.

– Что вам угодно? – спросила продавщица.

– Всё... Нам угодно, – повторила Пеппи и окинула любопытным взглядом полки. – Мы все страдаем от острой нехватки пистолетов с пистонами и отсутствия марионеток. Но я надеюсь, вы нам поможете.

И Пеппи вынула из кармана полную горсть золотых монет.

И тогда каждый из ребят получил право выбрать себе ту игрушку, о которой давно мечтал. Анника взяла себе великолепную куклу с золотыми локонами,

одетую в нежно-розовое шёлковое платье; а когда ей нажимали на живот, она говорила «мама». Томми давно хотелось иметь духовое ружьё и паровую машину. И он получил и то и другое. Все остальные ребята тоже выбрали кто что хотел, и, когда Пеппи закончила свои покупки, в магазине почти не оставалось игрушек: одиноко лежали на полке несколько книжных закладок и пять-шесть «Конструкторов». Себе Пеппи ничего не купила, а Господин Нильсон получил зеркальце. Перед тем как уйти, Пеппи купила ещё всем по дудке, и, когда дети вышли на улицу, каждый дул в свою дудку, а Пеппи отбивала такт рукой манекена.

Какой-то малыш пожаловался Пеппи, что его дудка не дудит.

– Тут нечему удивляться, – сказала она, осмотрев дудку, – ведь дырочка, в которую надо дуть, залеплена жевательной резинкой! Где ты достал эту драгоценность? – спросила Пеппи и выковыряла из дудки белый комочек. – Ведь я её не покупала.

– Я жую её с пятницы, – прошептал мальчик.

– Честное слово? А вдруг она прирастёт к твоему языку? Учти, у всех жевальщиков она куда-нибудь прирастает. На, держи!

Пеппи протянула мальчику дудку, и он задудел так же звонко, как и все ребята.

На Большой улице царило неопишное веселье. Но тут вдруг появился полицейский.

– Что здесь происходит? – крикнул он.

– Парад гвардейцев, – ответила Пеппи, – но вот беда: не все присутствующие понимают, что они участники парада, и поэтому дудят кто во что горазд.

– Немедленно прекратить! – завопил полицейский и зажал уши руками.

– Скажи лучше спасибо, что мы не купили тромбона.

И Пеппи дружески похлопала его по спине рукой манекена.

Один за другим ребята перестали дудеть. Последней замолкла дудка Томми. Полицейский потребовал, чтобы дети немедленно разошлись – он не мог допустить такого скопления народа на Большой улице. Собственно говоря, дети ничего не имели против того, чтобы отправиться домой: им хотелось поскорее пустить по рельсам игрушечные поезда, поиграть с заводными машинами и выкупать новых кукол. Они разошлись весёлые и довольные, и никто из них в этот вечер не ужинал.

Пеппи, Томми и Анника тоже направились домой. Пеппи толкала перед собой тачку. Она глядела на все вывески, мимо которых они проходили, и даже читала их по слогам.

– Ап-те-ка – это, кажется, та лавка, где покупают лукарства? – спросила она.

– Да, здесь покупают лекарства, – поправила её Анника.

– О, тогда нам надо сюда зайти, мне необходимо купить лукарств, да побольше, – сказала Пеппи.

– Да ведь ты здорова, – возразил Томми.

– Что с того, что здорова, а может, я ещё заболею, – ответила Пеппи. – Так много людей болеют и умирают только потому, что вовремя не покупают лукарства. И нигде не сказано, что завтра я не свалюсь от самой тяжёлой болезни.

Аптекарь стоял у весов и развешивал какие-то порошки. Как раз в ту минуту, когда вошли Пеппи, Томми и Анника, он решил, что пора кончать работу, потому что близился час ужина.

– Дайте мне, пожалуйста, четыре литра лукарства, – сказала Пеппи.

– Какое лекарство тебе надо? – нетерпеливо спросил аптекарь, досадуя, что его задерживают.

– Как какое? Такое, которое лечит от болезней, – ответила Пеппи.

– От каких болезней? – ещё более нетерпеливо спросил аптекарь.

– От всех болезней – от коклюша, от вывихнутой ноги, от резей в желудке, от тошноты. Пусть это будут пилюли, но чтобы ими можно и нос мазать. Хорошо бы ещё, чтобы они годились бы и мебель полировать. Мне нужно самое лучшее лукарство на свете.

Аптекарь сердито сказал, что такого удобного лекарства не существует и что для каждой болезни есть своё особое лекарство. Когда Пеппи назвала ещё десяток болезней, которые ей надо лечить, он выставил перед ней целую батарею пузырьков, бутылочек и коробочек. На некоторых он написал: «Наружное», – и объяснил, что этим можно только мазать кожу. Пеппи заплатила, забрала свой пакет, поблагодарила и вышла вместе с Томми и Анникой.

Аптекарь взглянул на часы и с радостью убедился, что уже давно пришло время закрывать аптеку. Он запер двери на замок и собрался идти ужинать.

Выйдя на улицу, Пеппи оглядела все лекарства.

– Ой, ой, я забыла самое главное! – воскликнула она.

Но аптека оказалась уже запертой, поэтому Пеппи просунула палец в кольцо всячего звонка и долго-долго звонила. Томми и Анника слышали, какой трезвон поднялся в аптеке. Минуту спустя в двери открылось окошечко – через это окошечко подавали лекарство, если кто-нибудь вдруг заболел посреди ночи, – и аптекарь высунул в него голову. Увидев детей, он весь покраснел от гнева.

– Что тебе ещё надо? – уже совсем сердито спросил он у Пеппи.

– Прости меня, милый аптекарь, – сказала Пеппи, – но ты так хорошо разбираешься во всех болезнях, что я подумала, ты, наверное, сможешь мне сказать, что нужно делать, когда болит живот: жевать горячую тряпку или лить на себя холодную воду?

Аптекарь был уже не просто красным, а пунцовым – казалось, вот-вот его хватит удар.

– Убирайся вон! – заорал он не своим голосом. – Немедленно убирайся, а не то!..

И он захлопнул окошко.

– Что это он такой сердитый? – удивилась Пеппи. – Разве я сделала что-нибудь плохое?

И Пеппи ещё энергичнее затрезвонила. Не прошло и секунды, как аптекарь снова высунул голову в окошечко. Цвет его лица внушал ещё более серьёзные опасения.

– Я вот думаю, что всё же лучше жевать горячую тряпку – это средство помогает безотказно, я много раз проверяла... – начала Пеппи и поглядела ласково на аптекаря, который, не в силах вымолвить ни слова, гневно захлопнул окошечко. – И говорить со мной не хочет, – сокрушённо заметила Пеппи и пожала плечами. – Что ж, придётся самой испробовать оба способа. Вот заболит живот, пожую горячую тряпку и погляжу, поможет ли на этот раз или нет.

Она села на ступеньки у двери аптеки и выстроила в ряд все свои склянки.

– Какие взрослые чудны?е! – вздохнула она. – Вот у меня – постоит, сейчас сосчитаю, – вот у меня тут восемь пузырьков, и в каждом налито чуть-чуть. А ведь всё это легко уместилось бы в одной бутылочке. Сказано – сделано. «Сейчас лукарство мы возьмём, в одну бутылочку сольём», – запела Пеппи,

отку?порила подряд все восемь пузырьков и слила все в один.

Потом она энергично взболтала смесь и недолго думая сделала несколько больших глотков. Анника, которая заметила, что на некоторых пузырьках наклеена бумажка с надписью «Наружное», не на шутку испугалась.

- Пеппи, откуда ты знаешь, что это не яд?

- Сейчас ещё не знаю, но скоро узнаю, - весело ответила Пеппи. - Завтра мне будет совершенно ясно. Если я до утра не умру, значит, моя смесь не ядовита и все дети могут её пить.

Томми и Анника задумались. Наконец Томми сказал неуверенным, упавшим голосом:

- А что, если эта смесь всё же окажется ядовитой?

- Тогда вы остатком будете полировать мебель, - ответила Пеппи. - Так что даже если моя смесь окажется ядовитой, мы всё равно не зря покупали эти лукарства.

Пеппи положила бутылочку в тачку. Там уже лежала рука от манекена, духовое ружьё и игрушечная паровая машина Томми, кукла Анники и огромный мешок, на дне которого перекатывались пять маленьких красных леденцов. Это всё, что осталось от тех ста кило, которые купила Пеппи. Господин Нильсон тоже сидел на тачке, он устал и хотел прокатиться.

- А знаете, что я вам скажу? - заявила вдруг Пеппи. - Я уверена, что это очень хорошее лукарство, потому что я чувствую себя куда бодрее, чем раньше. Будь я кошкой, я бы высоко задрала хвост, - заключила Пеппи и побежала, толкая перед собой тачку.

Томми и Анника едва поспевали за ней, тем более что у них болел - правда, совсем чуть-чуть, - но всё же болел живот.

Как Пеппи пишет письмо и идёт в школу

- А сегодня, - сказал Томми, - мы с Анникой писали письмо бабушке.

- Ну да, - сказала Пеппи, помешивая что-то в кастрюле ручкой от зонтика. - А я готовлю замечательное блюдо, - и сунула нос в кастрюлю, чтобы понюхать. - «Варить час, всё время энергично помешивая, посыпая имбирём, и тут же подавать на стол». Так ты говоришь, что вы написали письмо бабушке?

- Ага, - подтвердил Томми, который сидел на сундуке и болтал ногами. - И скоро мы, наверное, получим от бабушки ответ.

- А вот я никогда не получаю писем, - грустно сказала Пеппи.

- Чему тут удивляться, - сказала Анника, - ведь ты и сама тоже никому никогда не пишешь.

- А не пишешь ты потому, - подхватил Томми, - что не хочешь ходить в школу. Нельзя научиться писать, если не ходишь в школу.

- Ничего подобного, я умею писать, - сказала Пеппи. - Я знаю жутко много букв. Фридольф - один из матросов, который плавал на папином корабле, - научил меня буквам. А если мне не хватит букв, то ведь есть ещё и цифры. Нет, я прекрасно могу писать, но вот только не знаю о чём. Что пишут в письмах?

- Кто что, - важно ответил Томми. - Я, например, сперва спросил бабушку, как она себя чувствует, и написал, что я чувствую себя хорошо, потом я написал, какая у нас погода. А потом - что убил в нашем погребе крысу.

Пеппи помрачнела и задумалась.

- Как обидно, что я никогда не получаю писем. Все ребята, все-все получают письма, а я - нет. Так больше продолжаться не может! Раз у меня нет бабушки,

которая писала бы мне письма, придётся сделать это самой. И немедленно.

Она открыла дверцу печи и заглянула в топку.

- Тут у меня должен лежать карандаш, если не ошибаюсь.

В печке и в самом деле лежал карандаш. Потом она оттуда же вытащила большой лист бумаги и уселась за кухонный стол. Пеппи наморщила лоб, и вид у неё стал очень озабоченный.

- Теперь не мешайте, - сказала она, - я думаю!

Томми и Анника решили тем временем поиграть с Господином Нильсоном. Они стали одевать его и раздевать. Анника даже попыталась уложить его на зелёную кукольную кроватку, в которой он обычно спал по ночам: Томми будет доктором, а Господин Нильсон - больным ребёнком. Но обезьянка вскочила с постели и в два прыжка очутилась на лампе, зацепившись за неё хвостом. Пеппи оторвала глаза от письма.

- Глупый Господин Нильсон, - сказала она, - никогда ещё ни один больной ребёнок не висел вниз головой, зацепившись хвостом за лампу. Во всяком случае, не у нас в Швеции. А вот в Южной Африке, я слыхала, так лечат детей. Как только у малышей поднимается температура, их подвешивают вниз головой к лампам, и они преспокойно себе раскачиваются, пока не поправятся. Но мы ведь не в Южной Африке.

В конце концов Томми и Аннике пришлось оставить Господина Нильсона в покое, и тогда они решили заняться лошадью: уже давно было пора её как следует почистить скребницей. Лошадь очень обрадовалась, когда увидела, что дети вышли к ней, на террасу. Она тут же обнюхала их руки, чтобы выяснить, не принесли ли они сахара. Сахара у ребят не оказалось, но Анника тут же сбегала на кухню и вынесла оттуда два куса рафинада.

А Пеппи всё писала и писала. Наконец письмо было готово. Только вот конверта не нашлось, но Томми не поленился принести ей конверт из дому. Марку он тоже принёс. Пеппи написала на конверте своё полное имя и фамилию: «Фрёкен Пеппилотта Длинныйчулок, вилла «Курица».

– А что написано в твоём письме? – спросила Анника.

– Откуда я знаю, – ответила Пеппи, – я ведь его ещё не получила.

И тут как раз мимо дома прошёл почтальон.

– Бывают же такие удачи, – сказала Пеппи, – встречаешь почтальона как раз в ту минуту, когда тебе необходимо получить письмо.

Она выбежала ему навстречу.

– Будь добр, отнеси это письмо Пеппи Длинныйчулок, – сказала она. – Это очень срочно.

Почтальон поглядел сперва на письмо, потом на Пеппи.

– Разве ты не Пеппи Длинныйчулок? – удивился он.

– Конечно, я. А кем же мне ещё быть? Уж не царицей ли абиссинской?

– Но почему же ты тогда сама не возьмёшь себе это письмо? – спросил почтальон.

– Почему я не возьму себе это письмо сама? – переспросила Пеппи. – Что же, по-твоему, теперь я должна сама доставлять себе письма? Нет, это уж слишком. Каждый сам себе почтальон. А зачем же тогда бывают почты? Тогда уж проще их тут же все закрыть. В жизни я ещё не слышала ничего подобного! Нет, дорогой, если ты так будешь относиться к своей работе, то никогда не станешь почтмейстером, это я тебе точно говорю.

Почтальон решил, что лучше с ней не связываться и сделать то, о чём она его просила. Он подошёл к почтовому ящику, который висел рядом с калиткой,

и опустил в него письмо. Не успело письмо упасть на дно ящика, как Пеппи с невероятной поспешностью его вытащила.

– Ой, я просто умираю от любопытства, – сказала она, обращаясь к Томми и Аннике. – Подумать только, я получила письмо!

Все трое ребят устроились на ступеньках террасы, и Пеппи распечатала конверт. Томми и Анника читали через её плечо. На большом листе было написано:

– Вот, – с торжеством сказала Пеппи, – в моём письме написано то же самое, что ты писал своей бабушке, Томми. Значит, это настоящее письмо. Я запомню каждое слово на всю жизнь.

Пеппи аккуратно сложила письмо, снова засунула его в конверт, а конверт положила в один из бесчисленных ящичков старого большого секретера, который стоял у неё в гостиной.

Одним из самых интересных занятий на свете было, по мнению Томми и Анники, рассматривать сокровища, которые Пеппи хранила в этих ящичках. Время от времени Пеппи дарила своим друзьям что-нибудь из этих бесценных вещей, но запас их, видно, никогда не иссякал.

– Во всяком случае, – сказал Томми, когда Пеппи спрятала письмо, – ты сделала там дикое количество ошибок.

– Да, ты должна пойти в школу и научиться получше писать, – поддержала Анника брата.

– Нет уж, благодарю покорно, – ответила Пеппи, – я как-то провела целый день в школе. И за этот день в меня впихнули столько знаний, что я до сих пор не могу прийти в себя.

– А у нас через несколько дней будет экскурсия, – сказала Анника, – пойдёт весь класс.

– Вот ужас-то, – воскликнула Пеппи и от огорчения укусила себя за косу, – просто ужас! И я не могу пойти с вами на экскурсию только потому, что не хожу в школу? Разве это справедливо? Люди думают, что можно обижать человека только за то, что он не ходит в школу, не знает таблицы помножения.

– Умножения, – поправила Анника.

– А я говорю – помножения.

– Мы пройдем пешком целую милю[1 - Миля – мера расстояния в различных странах; сухопутная миля – 1,609 км.]. Прямо по лесу, а потом будем играть на полянке, – сказал Томми.

– Просто ужас! – повторила Пеппи.

На следующий день погода была такая тёплая и солнце светило так ярко, что всем детям в этом городке было очень трудно усидеть за партами. Учительница широко распахнула все окна, и свежий весенний воздух ворвался в класс. Перед школой росла большая берёза, а на её верхушке сидел скворец и пел до того весело, что и Томми, и Анника, и все ребята слушали только его пение и совсем забыли, что $9 \times 9 = 81$.

Вдруг Томми прямо подскочил на месте от изумления.

– Смотрите, фрёкен! – воскликнул он и показал на окно. – Там Пеппи.

Взгляды всех тут же устремились туда, куда показал Томми. И в самом деле, высоко на берёзе сидела Пеппи. Она оказалась почти у самого окна, потому что ветви берёзы упирались в наличники.

– Привет, фрёкен! – крикнула она. – Привет, ребята!

– Добрый день, милая Пеппи, – ответила фрёкен. – Тебе что-нибудь надо, Пеппи?

– Да, я хотела попросить, чтобы ты мне кинула в окно немного помножения, – ответила Пеппи. – Совсем чуть-чуть, только чтобы пойти с твоим классом на экскурсию. А если вы нашли какие-нибудь новые буквы, то кинь их мне тоже.

– Может, ты на минутку зайдёшь к нам в класс? – спросила учительница.

– Нет уж, дудки! – твёрдо сказала Пеппи и уселась поудобнее на суку, прислонившись спиной к стволу. – В классе у меня кружится голова. Воздух у вас так загустел от учёности, что его можно резать ножом. Слушай, фрёкен, – в голосе Пеппи зазвучала надежда, – может, немного этого учёного воздуха улетит в окно и попадёт в меня? Ровно столько, сколько надо, чтобы ты мне разрешила пойти вместе с вами на экскурсию?

– Вполне возможно, – сказала фрёкен и продолжала урок арифметики.

Детям было очень интересно глядеть на Пеппи, сидящую на берёзе. Ведь все они получили от неё конфеты и игрушки в тот день, когда она ходила по магазинам. Пеппи, конечно, как всегда взяла с собой Господина Нильсона, и ребята умирали со смеху, глядя, как он прыгал с ветки на ветку. В конце концов обезьяне надоело скакать по берёзе, и она сиганула на подоконник, а оттуда одним прыжком взвилась на голову Томми и начала теревить его за волосы. Но тут учительница сказала Томми, чтобы он снял обезьяну с головы, потому что Томми как раз надо было разделить 315 на 7, а это невозможно сделать, если у тебя на голове сидит обезьяна и теревит тебя за волосы. Во всяком случае, уроку это мешает. Весеннее солнце, скворец, а тут ещё Пеппи с Господином Нильсоном – нет, это уж чересчур...

– Вы что-то совсем поглупели, ребята, – сказала учительница.

– Знаешь что, фрёкен? – крикнула Пеппи со своего дерева. – Честно говоря, сегодняшний день совершенно не подходит для помножения.

– А мы проходим деление, – сказала фрёкен.

– В такой день, как сегодня, вообще нельзя заниматься никаким «еньем», разве что «веселеньем».

– А ты можешь мне объяснить, – спросила учительница, – что это за предмет «веселенье»?

– Ну, я не так уж сильна в «веселенье», – смущённо ответила Пеппи и, зацепившись ногами за сук, повисла вниз головой, так что её рыжие косички почти касались травы. – Но я знаю одну школу, где ничем, кроме «веселенья», не занимаются. Там так и написано в расписании: «Все шесть уроков – уроки веселенья».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Миля – мера расстояния в различных странах; сухопутная миля – 1,609 км.

Купить: <https://telnovel.com/astrid-lindgren/peppi-dlinnyuchulok-sobiraetsya-v-put>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)